

ДЕЛОВОЙ МИР РОССИИ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И ДУХОВНЫХ КОДАХ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В XXI в.

В данной статье рассматривается вопрос о «духовных кодах» социально-экономического развития, который активно обсуждается сегодня в философской и экономической литературе. В отличие от технократического, цивилизационного подхода многих западных исследователей для анализа структуры «духовного кода» авторы статьи использовали культурологический подход.

Ключевые слова: культура, цивилизация, коды, деловой мир, традиции.

Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. и уже охвативший практически все экономически развитые страны мира, вновь поставил на повестку дня, казалось бы, давно исследованный и решенный вопрос о соотношении *культуры* и *цивилизации*. И, как когда-то назвал одну из своих наиболее известных книг английский историк А. Тойнби, «цивилизация опять оказалась перед судом истории» [1].

Почему же произошел глобальный кризис, распространившийся на всю мировую экономику? На наш взгляд, это случилось по одной-единственной причине: экономика сделала ставку на цивилизационные коды в своем развитии и отошла от культуры как системы высших ценностей человеческого существования. Стремление современного человека к безмерному увеличению потребления, психология потребительского общества и игнорирование духовных оснований самого человеческого бытия сыграли с ним злую шутку: все то, что за последние десятилетия создавалось в сфере материального производства, оказалось под угрозой гибели из-за нехватки все тех же материальных ресурсов. Замкнулся тот порочный круг, когда «подобное рождает подобное». И сегодня вновь приходится вспоминать о том, что «главное в человеке – это дух, его духовное состояние, в котором человек живет главными, благородными силами и устремлениями», что «дух – это то, что *объективно значительно* в душе» [2, с. 17].

Для преодоления последствий наступившего кризиса необходимо вновь вернуться к вопросам формирования и развития духовной культуры человека, особенно в сфере его хозяйственной практики.

Попытки рассмотреть именно культурные коды хозяйственной деятельности людей уже неоднократно предпринимались в истории на-

уки. Достаточно напомнить, например, концепции «эталонных обществ» К. Сен-Симона, «исторических народов» Г. Гегеля, «энергетизма» С. Геринга, «культурно-исторических укладов» Н.Я. Данилевского. Но всякий раз эти попытки наталкивались на противодействие, на предложения исследовать и использовать все-таки цивилизационные коды в экономическом развитии на том основании, что экономика составляет будто бы не часть культуры, а часть цивилизации. Отсюда и такие концепции, как «локальные цивилизации» А. Тойнби, «коммуникационные принципы» Г. Мак-Люэна, «волны цивилизаций» А. Тоффлера и т. д. Кстати, именно А. Тоффлер предложил особый цивилизационный код для эпохи индустриального развития, который включал шесть основных принципов: стандартизацию, специализацию, синхронизацию, концентрацию, максимизацию и централизацию [2]. Однако уже к концу 60-х годов XX в. стало ясно, что эти принципы ведут экономику к краху. Именно поэтому еще в 1973 г. был принят Давосский манифест, определявший моральный кодекс предпринимателей. В этом манифесте было четко заявлено, что главной целью бизнеса является не *максимизация* прибыли, а *служение обществу* (заказчикам, потребителям, работникам) [4]. Прошло уже 25 лет с момента принятия этого манифеста, но в российских вузах студентам до сих пор продолжают внушать, что главной задачей бизнеса является максимизация прибыли. Что внушаем – то и имеем.

Совершенно иначе складывалась ситуация в России в годы ее наибольшего экономического подъема. Эпоха «русского экономического чуда», хронологически обозначаемая рамками 1861-1914 гг., свидетельствует о том, что когда вместо цивилизационных кодов деловой мир страны руководствуется культурным кодом, то нацио-

нальное хозяйство достигает колоссальных результатов. И так было. Достаточно, например, напомнить, что благодаря именно культурному коду, заложенному в основу социально-экономических реформ, в начале XX в. темпы экономического роста в нашей стране возросли, по сравнению с началом 60-х гг. XIX в., в 13 раз, производство стали – в 2234 раза, нефти – в 1496 раз, угля – в 694 раза, продукции машиностроения – в 44 раза, продукции химии – в 48 раз и т. д. Что же мы имеем сегодня, когда начиная с 1985 г. (перестройка) в основу экономической политики государства был заложен сугубо цивилизационный (да еще зарубежный и устаревший) код развития? Как свидетельствует лауреат Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Д. Стиглиц, если в период Великой Отечественной войны объем промышленной продукции в нашей стране сократился на 24%, то за период 1990-1999 гг. он упал более чем на 60% [5]. По объемам сельскохозяйственной продукции Россия сегодня занимает 44-е место в списке 87 стран-сельхозпроизводителей, составленном ООН.

Но, к глубокому сожалению, и сегодня, в начале XXI века, некоторые наши сограждане основные надежды возлагают не на культурный код развития, а опять-таки на очередной цивилизационный код, на так называемый код «4-й»: инвестиции, инновации, инфраструктура и институты. Представляется весьма сомнительным, что очередная цивилизационная версия, предложенная деловому миру России по рецептам западных советников, обеспечит нам поступательное развитие. Да, собственно, это уже видно по ситуации, сложившейся на конце 2008 г. в самой российской экономике. Поэтому представляется крайне важным обратиться к *историческому опыту* развития национальной экономики, которую развивали и поднимали представители российского *делового мира*.

Сегодня часто можно встретить разные понятия, обозначающие субъектов хозяйственной практики: *деловое сообщество, деловая корпорация, деловой мир, деловая элита, бизнес, предпринимательские структуры* и т. п. По большому счету, они до сих пор не имеют четкого научного и юридического определения и используются в литературе крайне бессистемно. Поэтому следует заметить, что в менталитете россиян XIX – начала XX в. слово *бизнесмен* ассоциировалось с подлостью и ложью; оно вообще не

употреблялось и переводилось буквально как *делец (деляга)*. А слова *делец, стервец и подлец* находились в одном смысловом ряду. Альтернативой понятию *дельца* служило слово *деловник*. Как указывает В.В. Колесов, «деловник – иное дело; он *создает* свое благополучие *трудо*, смекалкой, *не в ущерб* окружающим» [6]. В принципе, эта разница давно была выявлена еще Аристотелем, который предложил различать реальную экономику и *хрематистику* (спекулятивную экономику). И хотя большинство русских людей, вероятно, даже не читало сочинений Аристотеля, но в культурном плане всегда ощущало эту разницу. Может показаться, что все это уже давно в прошлом. Но вот что показывает опрос, осуществленный Агентством региональных политических исследований в 2002 г.: свыше 57% респондентов высказали свое *отрицательное* отношение к российским бизнесменам (бизнесу), ассоциировав их в своих ответах с *крупными* предпринимателями. Что касается отношения к представителям *деловой элиты* (олигархам), то здесь ситуация еще более удручающая. И ведь это отношение понятно, если учесть происхождение и размеры состояний российских олигархов. Поэтому-то большинство россиян негативно относятся и к рыночной экономике, отождествляя ее с капитализмом, который, как признавал это еще М. Вебер, «безусловно, тождественен стремлению к наживе» [7, с. 48].

Но вся проблема как раз состоит в том, что в России нет протестантизма как такового, а следовательно, и протестантской этики. Стремление же построить российскую экономику по западному образцу, «как у них» – это не что иное, как «прививка оспы телеграфному столбу». Необходимо строить рыночную экономику в своей стране, основываясь на ценностях именно российской, а не какой-то чужой культуры. И в этом отношении именно российский *деловой мир* выступал носителем такой духовной культуры и соответствующего культурного кода. Знакомство с деятельностью таких русских предпринимателей, как Гучковы, Мамонтовы, Морозовы, Третьяковы, Савишниковы, Рябушинские, Хлудовы и др., убеждает нас в том, что в своей хозяйственной практике представители этих династий руководствовались идеалами, принципами и установками именно своей национальной духовной культуры. А под-

ражательство иностранщине, компиляция и фетишизация чужих нравов вообще считались делом до крайности постыдным. То же самое можно сказать и о таких уральских предпринимателях, как А.С. Губкин, Е.А. Жернаков, И.И. Игнатов, М.Д. Плотников, И.А. Поклевский-Козел и т. д. Целые династии уральских предпринимателей – представителей делового мира нашего региона (среди них – Злоказовы, Зотовы, Любимовы, Макаровы, Мешковы, Текутьевы и т. д.) вошли в историю края как ревнители не только *местной экономики*, но и так называемой *срединной культуры* [8].

Еще более четко о наличии определенного культурного кода в деятельности представителей российского делового мира свидетельствует и сама экономическая наука. Ее представители традиционно уделяли особое внимание именно культуре предпринимательства, хозяйственной этике, экономической морали и нравственности. Достаточно в этой связи вспомнить, например, крупного русского экономиста И.И. Янжула, который особое внимание обращал на значение *честного* отношения предпринимателей (работодателей) к работникам и клиентам. Он писал: «Тот народ, который честен, тем самым и силен не только нравственно, но и экономически» [9, с. 418]. Особое внимание отечественные экономисты обращали и на вопросы *социальной ответственности* предпринимателей перед обществом. Так, один из крупнейших российских экономистов второй половины XIX в. И.Х. Бунге, как никто другой, много сделал для развития в России фабрично-заводского законодательства. А другой крупный экономист конца XIX в. В.Г. Яроцкий написал *первую* в истории вопроса книгу «Экономическая ответственность предпринимателей» (1895 г.). Сегодня об этом часто умалчивают или просто этого не знают, а потому порой утверждают, что раньше, чем у нас, проблемы социальной ответственности бизнеса стали разрабатывать на Западе. А ведь еще в 1912 г., т. е. задолго до принятия Давосского манифеста, С.Н. Булгаков назвал *экономизм* и свойственные ему стяжательство, корыстолюбие, погоню за прибылью любой ценой «обмоком нашей эпохи» [10, с. 7].

При необходимости можно обнаружить стремление использовать национальный культурный код и в экономической политике. Так, при проведении аграрной реформы 1906-1911 гг.

П.А. Столыпиным российским крестьянам предоставлялись кредиты сроком до 50 лет под минимальные проценты (до 5% годовых). Сегодня трудно себе представить, чтобы какой-то российский банк проводил подобную социально ориентированную политику кредитования предпринимателей. Кроме того, именно благодаря П.А. Столыпину стомиллионные массы крестьян в России получили доступ к образованию, без чего ни о какой культуре народа нельзя было бы говорить. За годы аграрной реформы численность крестьян, получивших возможность образования, возросла с 48 тыс. чел. до 1 млн. 600 тыс. чел. [11].

Каков же был тот культурный (духовный) код российского предпринимательства (делового мира), благодаря которому наша страна в начале XX в. превратилась в могущественную и экономически передовую державу? Его, этот код, можно свести к семи основным элементам: *духовности, традиционализму, самобытности, собранности, патриотизму, ответственности, творчеству*. Рассмотрим структуру этого культурного кода более конкретно.

Духовность присуща не только нашему народу. Но именно в русском народе духовность была представлена высшими ценностями православия, которое определяло мировоззрение русских людей на протяжении многих веков. И только на русской почве православие настолько глубоко проросло в хозяйственной практике и экономическом сознании людей, что приобрело такие социальные формы, как *жертвенность, служение, смирение, правдоискательство*. Историко-философский анализ этих социальных форм русской духовности и их влияния на хозяйственную практику еще только предстоит дать.

Традиция также существует в различных социумах – этносах. Однако в русском обществе традиция превращается из «нейтрального способа трансляции информации» (Э. Шилз) в способ духовного развития самого человека, его «духовного делания» (И. Ильин), «работы со смыслами» (В. Соловьев). *Ранг* традиции, ее значение в истории русского народа в целом, а в истории отечественной экономики в частности, был и остается несравненно более высоким, чем в какой-либо другой культуре и цивилизации. И это обстоятельство историкам культуры также еще только предстоит объяснить. Но отмахиваться от него с исторической точки зрения просто некорректно.

С духовностью и традиционализмом нашего народа неразрывно связана и его *самобытность*. В буквальном смысле слова *самобытность* означает *самостоятельность бытия* нашего народа. И это понятно: Россия обладает огромной территорией и колоссальными природными богатствами, что делает ее существование потенциально независимым от других стран и народов. Сегодня именно Россия обеспечивает Европу газом, но вот парадокс: она оказалась не в состоянии прокормить себя. Этот *парадокс* из числа тех, которые еще в 50-е гг. XX в. объяснил известный русский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике В. Леонтьев, практически всю жизнь проживший в США. Данный *парадокс* является частным исключением из более общей теории шведских экономистов Э. Хекшера и Б. Олина; в науке он получил название «*парадокса Леонтьева*». Суть его состоит в том, что, поскольку затраты на производство сельхозпродукции в России выше, чем в других странах с более благоприятным климатом, то формально становится выгоднее не производить эту продукцию у себя, а ввозить ее из-за рубежа. В принципе, любая страна экспортирует продукцию, производимую с интенсивным использованием избыточных факторов производства, а импортирует продукцию, произведенную с экстенсивным использованием дефицитных факторов производства. Но это – теория, которая ничего не говорит о том, каким образом следует сохранять и укреплять собственную экономическую безопасность страны для того, чтобы не превратиться в сырьевой придаток чужих, более развитых экономик. Сегодня студентам экономических специальностей российских вузов рассказывают об этом *парадоксе*, но не объясняют, как нужно выходить из складывающейся ситуации. А ведь именно деловой мир России не раз и не два находил выход из подобных ситуаций и добивался собственной экономической *самостоятельности и безопасности*. В этом, собственно, и заключается *самобытность*. Достаточно, например, напомнить о том, как поступил в 90-е гг. XIX в. крупнейший реформатор С.Ю. Витте в ответ на повышение Германией проездных пошлин на русский хлеб, вывозившийся на европейский рынок. Применив *реторсию*, наша страна не только вынудила Германию отменить *заградительные* пошлины, но и добилась с нею режима *наибольшего благопри-*

ятствования в торговле. Опыт, как говорится, есть, но он нашими современниками, к сожалению, плохо усвоен.

Важнейшим элементом культурного кода нашего народа является *патриотизм*. Но о патриотическом воспитании более или менее всерьез мы заговорили лишь в самое последнее время. Понадобилось пройти полтора десятка лет через унижения и оскорбления, через Косово и Цхинвал, чтобы понять простую истину: «у нашей страны есть только два надежных союзника – это армия и флот». Казалось бы, патриотизм присущ любому народу. Смысл патриотизма чаще всего сводят к любви к Родине, к родному, родовому. Но любовь, как известно, относится к области эмоций. А вот *культура патриотизма* в нашем народе существенно иная, чем во многих зарубежных странах, где их гражданам «хорошо там, где сытно». Научиться любить и беречь свою землю, свою страну, свою культуру не в годы процветания и изобилия, а в тяжелые годы лишений и испытаний – это качественная характеристика именно российского патриотизма. Как говорят, где родился, там и содился. Именно поэтому не раз в нашей истории *массовый народный героизм* спасал нашу страну (и в 1812 г., и в 1941-1945 гг.). Но чем дальше в историю уходят эти победы, тем реже многие из нас задумываются над сущностью патриотизма. А ведь как пронзительно верно сказал один из героев известной повести В. Распутина «Прощание с Матерой»: «Тебе эту землю Бог дал для того чтобы ты ее берег, сохранил и детям своим передал в целостности». Вот и весь патриотизм. Но разве сегодня этот посыл, это напутствие не элиминированы идеологией потребительства, когда «после нас хоть потоп»? Разве не наступило время изменить отношение к воспитанию патриотизма в наших школах и вузах? Тем более, что в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» четко сказано, что нам необходимо не только учить людей, но и воспитывать патриотов своей страны [12]. Конечно, в условиях современного глобализма интеграция культур и систем образования становится неизбежным условием развития. Но, занимаясь реализацией идей Болонской конвенции у себя дома, всем нам следует помнить хотя бы о том, что в английском языке даже нет такого понятия, как *воспитание* [13].

Особое значение в духовной культуре нашего народа всегда играла *соборность*. Обычно под соборностью подразумевают коллективистский характер труда, обусловленный прежде всего суровыми природно-климатическими условиями проживания нашего народа. И действительно, сегодня почти три четверти российской территории занято зоной вечной мерзлоты, а на остальной ее части глубина промерзания почвы достигает 1,5 метра. Это объективно ведет к более высоким затратам на строительство промышленных и жилых объектов, на производство сельхозпродукции, на добычу углеводородов и т. д. К примеру, себестоимость одного барреля кувейтской нефти составляет 4 долл., а тюменской – 14 долл., т. е. в 3,5 раза выше. Биопродуктивность в РФ колеблется от 10 до 150 ц/га, а в США – от 150 до 300 ц/га [14]. Очевидно, что только совместный труд (трудовая кооперация) мог обеспечить для российского народа более или менее сносные условия существования. Другие бы народы, окажись они в российских условиях, просто не выжили бы в них. И это не голословное утверждение, поскольку печальный опыт подобных переселений у нас имеется.

Но не только в коллективизме заключается соборность. Она предполагает и определенную *сакрализацию* хозяйственной деятельности, некую литургию и феургию. Иначе говоря, русский человек всегда вкладывал в свой труд и его продукт не только пот, но и душу, не только энергию, но и сердце, работал не только ради хлеба насущного, но и ради идеи, ради чего-то объективно высшего. Отсюда и массовый *тру-*

довой энтузиазм, который сегодня, увы, утрачен. Но это и понятно: прагматизированные национальные экономики протестантских стран, по образу и подобию которых сегодня пытаются строить и российскую экономику, нацелены исключительно на индивидуальное обогащение. И в них соборности не остается места.

Наконец, одним из фундаментальных конструктов в структуре культурного кода российского народа выступает *творчество*. В отличие от инновации – характеристики цивилизации творчество – характеристика именно культуры. Когда нас призывают к инновации, то речь идет об элементарном обновлении, о создании нового. Но вот вопрос: а будет ли это новое лучше старого или оно будет еще хуже прежнего? Творчество как раз и отличается от простой инновации тем, что оно нацелено на совершенствование, на создание лучшего, гармоничного и прекрасного. Тем самым речь идет о *качестве* благ и ценностей, а не об их количестве, о *качестве* самой экономики и ее *субъекта* – человека. И народная пословица «лучше меньше, да лучше», как никакая другая, говорит о понимании роли и значения творческого акта в хозяйственной жизнедеятельности представителей отечественного делового мира.

Дальнейшее изучение, осмысление и практическое использование этого культурного кода в системе российского образования и воспитания представляется нам альтернативой сугубо цивилизационному подходу. Восстановление своей собственной духовной культуры – залог возрождения нашего делового мира и нашей национальной экономики.

Список использованной литературы:

1. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории [Текст]: пер. с англ./ А. Тойнби. М.: Прогресс, 1996.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности [Текст]: монография. М.: Эксмо-Пресс, 1998. С. 17.
3. Тоффлер А. Третья волна [Текст]: пер. с англ./ А. Тоффлер. М.: АСТ, 1999. С. 92–117.
4. Экономика предприятия [Текст]/ пер. с нем. под ред. Ф. Беа, Э. Дихтла, М. Швайцера: М.: Инфра-М, 1999. С. 171–172.
5. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции [Текст]: пер. с англ./ Д. Стиглиц. М.: Мысль, 2003. С. 176.
6. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения [Текст] / В.В. Колесов. Л.: Лениздат, 1988. С. 9–10.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [Текст] / М. Вебер. Нью-Йорк, 1958. С. 48.
8. Кружкова Т.И. Деятельность представителей делового мира Урало-Сибирского региона (вторая половина XIX – начало XX вв.) [Текст]: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. проф.-пед. ун-та, 2002. 351 с.
9. Янжул И.И. Экономическое значение честности: Забытый фактор производства [Текст] // Янжул И.И. Избранные труды. М.: Наука, 2005. С. 418.
10. Булгаков С.Н. Философия хозяйства [Текст] / С.Н. Булгаков. М.: Прогресс, 1990. С. 7.
11. Стожко К.П. История русской экономической мысли [Текст] / К.П. Стожко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 394.
12. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Текст] // Поиск. 2000. 13 октября. №41(595). С. 615.
13. Гребнев Л. Российское образование в зеркале демографии [Текст] // Вопросы экономики. 2003. №7. С. 9.
14. Кондаков В.А. Энтропия в механизме антилиберальной трансформации российского социума [Текст] // Гуманитарные стратегии российских трансформаций. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Тюмень: Тюм. гос. неф.-газ. ун-т, 2008. С. 83.